

КРАТКОВРЕМЕННАЯ ПОТЕРЯ РЕЧИ

Владимир
Коркунов

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

Владимир Коркунов
Кратковременная потеря речи
Серия «Поэтическая серия
«Русского Гулливера»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54968759

*Кратковременная потеря речи: Русский Гулливер; Центр современной литературы; Москва; 2019
ISBN 978-5-91627-223-9*

Аннотация

В новую книгу Владимира Коркунова вошли стихотворения, написанные в 2017–2019 годах в результате длительного поиска метода и кардинальной перемены поэтической практики. Представленные тексты можно назвать опытом перевода – временами как с иностранных языков, так и с языков политических, метафизических, телесных. Пропущенные сквозь преломляющую призму авторской оптики, они, благодаря иной практике письма, предоставляют возможность взаимодействия с языками «мёртвыми», о чем свидетельствует включённая в книгу актуальная поэма «Выпуск новостей», основанная на реальных и оттого кажущихся невозможными новостях российских телеканалов. Перевод как коммуникация достигает своего адресата.

Содержание

Terra invisibilis, или Тропа в сгустке речи

5

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Владимир Коркунов

Кратковременная потеря речи

R.B.

- © В. Коркунов, текст, 2019
- © А. Тавров, предисловие, 2019
- © Русский Гулливер, издание, 2019
- © Центр современной литературы, 2019

Terra invisibilis, или Тропа в сгустке речи

*В нас всех богов укрыты семена,
желанья ген и здесь же ген смертельный;
так кто ж он, оторвавший слово от вещей...*
Готфрид Бенн¹

Представляя книгу Владимира Коркунова, мы вводим читателя в ситуацию захватывающую и драматичную. Прежде всего заметим, что книга написана непростым языком. В нём разрушены синтаксические связи, отдельные фрагменты стихотворения словно плавают в общем смысловом поле, не соотносясь, на первый взгляд, с другими его станцами, рифмы отсутствуют, логика линейного повествования снята, что заставляет нас вспомнить принципы «проективного стиха», выдвинутые в прошлом веке Чарльзом Уолсоном.

Но по мере прочтения книги возникает несомненное, хоть и не явное ощущение, что эта «расколотость» стихотворений, их затруднённость, накапливаясь, неожиданно и непонятно каким образом, отсылают нас к собственному, почти забытому, но крайне важному и глубоко личному опыту.

Более того, постепенно становится ясным, что отсыл этот адресован не к каким-то периферийным эпизодам наших

¹ Перевод Н. Болдырева.

воспоминаний, но к чему-то неотменимому, к чему-то родному, без чего мы себя не мыслим ни как «культурная единица», ни в качестве неповторимой личности с её уникальным и даже интимным опытом проживания собственной судьбы.

И это сочетание выверенной неясности поэтического языка и ощущения неотменимости сказанного, более того, его «родственности», его обязательности для нашей собственной жизненной линии создают ситуацию, в которой читатель претерпевает некоторое драматическое напряжение, участвуя почти что в магии, связанной с погружённостью читающего сразу в два потока – социальный и конвенциональный, выдуманный людьми, если можно так выразиться, и природный, нерукотворный, не выдуманный, данный. Эти два вектора – природный и политический (урбанистический) – находятся в непростых и напряжённых отношениях:

облако ставшее городом
и город под ним

перебрасываются сообщениями
по оптоволоконной сети
дождя

воюют
вгоняя друг в друга
трезубцы молний
и тополиные кинжалы ракет

устанавливают и рвут дипотношения
сталкивая самолёты и птиц
в зонах политической турбулентности
снова и снова разбиваясь

Облако (природа) и город (социум) воюют, сталкивают самолеты и птиц, молнии и ракеты. Но обозначенная война, как и большинство войн, приводит к взаимозависимости «враждующих сторон» – в попытке найти единство, найти *общее слово* и возможность обозначить его.

Поэт прослеживает этот конфликт отчасти как конфликт нового слова с его изменившимися за последнее время функциями, с тем, несозданным, вложенным в нас от рождения, «от природы», с тем, что социум напряжённо пытается отменить, для того, чтобы взять на себя основные функции жизни, которые раньше обеспечивала (и продолжает во многом обеспечивать) природа: зачатие, дыхание, язык, земное притяжение, хлеб, биение сердца. Насколько хорошо это ему удаётся, подменяя собой и своим языком «язык природы», мы хорошо знаем. И зачатие, и дыхание, и хлеб, и биение сердца становятся воспроизводимыми при помощи техники, а языки возникают и множатся, обслуживая новый мир – от романтического нефункционального эсперанто до прагматического языка компьютерщиков или политтехнологов.

«Слово – явление жизни, а не языка», – настаивал В.

Шкловский. Изучается оно лингвистикой и философией, но ни от философов, ни от лингвистов оно не происходит, не рождается, уходя в собственную неопознанность возникновения.

Тем не менее, природа слова претерпевает последние десятилетия интенсивные натиски и деформации, следуя в этом, что знаменательно, за природой самого человека, существа одновременно и природного, и социального.

По сути, произошла вещь простая – и человек, и слово всё более утрачивают свою таинственную самоценность, выходящую за пределы лингвистики и вообще за языковые пределы, становясь всё более и более «функциональными и “отдельными” объектами», ценность которых воспроизводима и может быть определена как успешность функционирования слова и человека в той или иной прагматической ситуации.

Проще говоря, и слово, и человек утрачивают на глазах свою изначальную «символическую природу». Они больше не отсылают к неизречённой своей и главной части, всё больше становятся не символами, а знаками. Ибо символ, несмотря на то, что содержит в себе жизненный исток, слишком громоздок для логики, для быстрого и эффективного использования. Вещи природы и «вещи» языка расходятся.

Книга Коркунова – это отчаянная, сопряженная с болью

попытка это расхождение (слова и вещи) преодолеть. Его всё ещё живые слова ищут возможности (поистине в своей интенции – космической) воссоединиться с вещами этого мира в ситуации, когда орган воссоединения почти что утрачен, почти что отмирает:

рыба-рыба-повитуха
намотай на плавник пуповину слов
и читай белое между строк

выбрасывай на берег мальков
волны отнесут к пристани боли
где в снастях запутались имена

(курсив мой. – А.Т.)

Кстати, мастерство метафоры в книге порой виртуозно:

доска за которой обрывается голос
выводит себя из игры
комната внутри чужого тела
точная копия его присутствия в ней

В поэзии Коркунова попытка удержать «снастями стихотворения» имена, теряющие свой прежний смысл, происходит как усилие внешнего сращивания разошедшихся имен и вещей, как оплетение одних другими, как их взаимное проращивание:

...пока речь не перестала узнавать слова
а папоротник новых голосов не оплёл
оцепеневшие буквы...

Мы находимся в ситуации, где прежняя партия завершена, а:

новая игра
никак не начнётся

Мы также находимся в ситуации, где:

больше нет мест которых не подсмотреть
больше нет общего тела которого не раздать
больше нет признаков тебя и меня
есть только очередь и толпа
обнимающая
всех

Но это усилие вновь соединить вещи и их имена в промежулке «между старой и новой игрой» происходит в стихах на внешнем уровне, на уровне совместимости объектов, и в этом его тупиковость и одновременно драматизм. Ведь эта совместимость, соприродность слова и вещи, лежит в куда более глубоких слоях, чем те, которые можно назвать и обозначить, намного глубже, чем мир объектов – собственно говоря, единство слов и вещей восстановимо только при восстановлении единства и единственности «разорванного» че-

ловека с «вырезанным лицом», как это сказано метафорой в одном из стихотворений автора. Ибо цельность слова достигается лишь человеческой цельностью и полнотой. Одно с другим природно и сверхприродно связано.

Но человеческая мысль, опирающаяся сама на себя, отказываясь от музыки и акцентируя концепт, берёт на себя полномочия природы. Мы вошли в ситуацию прекращения уникальности слова и человека.

Знаете, вот мы идём, как обычно, по городу – видим, как обычно, редкие деревья, поток машин, белые лица, и кажется, что ничего с нами не происходит нового, а тем более опасного, а тем более критического. Вечером на телеэкране мелькают те же привычные кадры, привычно играет мелодия вызова на телефоне, жена или подруга (муж или друг) говорит нам знакомые слова и смотрит на нас знакомыми глазами... но никто нам не сказал, что мы – это уже не мы, что лица – это уже не лица, язык, на котором мы говорим – иной язык. Произошла операция, где хлороформом было само наше мышление. Именно оно дало возможность эту операцию безболезненно осуществить. После неё мы стали другими телами в другом мире с другими правилами поведения, формами жизни, именами вещей и людей – и даже не заметили этого, а если заметили, то словно бы находясь среди метаморфоз сновидческих образов.

накануне

город затухает \$\$\$\$вырезан из программы
звука больше нет

полупустая электричка
воздух в капельнице домов

расскажи \$\$\$\$послезавтра
на этой кухне готовить еду
смотреться в умирающее дерево
[корни отравлены\$\$\$\$ слева \$\$\$\$голые вены ветвей]

тени капают в ранку на теле города

два кровавых сгустка красный и белый
одновременно приходят в движение

Но поэзия обладает неотменяемой памятью. Она всё ещё помнит, что состоит из двух начал – условного и безусловно-го, из собственно текста и того, что называют разными словами – вдохновение, прозрение, узнавание, пробуждение. И только в их сочетании поэт находит себя вместе с находящим себя в нём стихотворением. И это чувство подделать нельзя, хотя сказать, что оно отменяемо и даже настаивать на этом – можно. И, надо заметить, что это волевое, концептуальное и действенное высказывание во многом определяет пути современной поэзии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.